

ХАННА ЛИНН

КОНДИТЕРСКАЯ НА ХАЙ-СТРИТ

ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА

Fiction

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44 Б94
Л59

Hannah Lynn
THE SWEET SHOP OF SECOND CHANCES

Перевод с английского Ирины Тогоевой

Иллюстрация на обложке Елены Капич

Published by special arrangement with *Paper Cat Publishing Ltd*
in conjunction with their duly appointed agent *2 Seas Literary Agency*
and *The Van Lear Agency LLC*

Линн, Ханна
Л59 Кондитерская на Хай-стрит : Жизнь с чистого листа : роман / Ханна Линн ;
[пер. с англ. И. Тогоевой]. — Москва : Издательство Азбука, 2026. — 400 с. —
(Горячий шоколад. Зарубежная коллекция).

ISBN 978-5-389-29580-3

Тяжело пережить предательство, особенно когда тебя предал самый близкий человек — тот, кого любила и с кем собиралась строить семью.

Но Холли старается не отчаиваться. Собрав вещички, она уезжает из сумасшедшего Лондона в родной городок Боуртон-он-Уотер, намереваясь залечить душевные раны. И там, овеянная радостью воспоминаний юных лет, принимает спонтанное решение купить кондитерскую, в которой подрабатывала подростком.

Однако вести бизнес, даже такой очаровательный, — вовсе не так сладко, как может показаться. На каждом шагу Холли поджидают проблемы: то входная дверь сломается, то крыша протечет, то придет с проверкой инспекция... Не совершила ли Холли самую большую ошибку в своей жизни? Ведь ей так нужно начать все с чистого листа!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-29580-3

© Hannah Lynn, 2021
© Тогоева, И., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство Азбука, 2026

Глава первая

Если учесть, в какой страшной спешке Холли Берри покидала Лондон, вряд ли она понимала, какие вещи пакует в чемодан. Да и глагол «паковать» не слишком точно отражал ее действия. Она швырнула несколько туфель в своего — теперь уже точно — бывшего бойфренда, сдернула чемодан с платяного шкафа и запихнула в него скомканную кучу вещей. Тем временем Дэн, упомянутый бывший, предпринял было попытку извлечь из этой груды кое-какие собственные вещички, однако добиться успеха ему мешала неуверенность — он никак не мог понять, что нужно делать в первую очередь: то ли успокаивать Холли, только что застукавшую его с голым задом и в весьма недвусмысленной позе на той самой новой кровати, которую они вместе покупали в «Икее» и за которую она честно заплатила ровно половину, то ли утешать рыдающую женщину, по-прежнему лежавшую нагишом на этой кровати и тщетно пытавшуюся хоть чем-то прикрыться.

— Холс, Холс, погоди. Пожалуйста, погоди, послушай...

— Я уже достаточно наслушалась, больше не хочу, спасибо. И забыть эти звуки мне, поверь, будет нелегко.

Трясущимися руками Холли сорвала с вешалки очередное платье. Шесть лет! Шесть лет ее жизнь была неразрывно связана с этим человеком! Шесть лет любые свои планы она строила с учетом *их общих* планов! Господи, какой же она была душой!

— Пожалуйста, дай мне объяснить... — Но стоило Дэну коснуться ее плеча, как она, резко оттолкнув его руку, развернулась к нему.

— Не смей! Не смей ко мне прикасаться! — прокричала она. — Не смей со мной разговаривать! Даже смотреть на меня не смей!

— Холс, ты просто не понимаешь...

— Да, конечно, не понимаю. Вот тут ты абсолютно прав. Я не понимаю, как ты, черт тебя побери, мог так со мной поступить!

— Но я же просто... Мы просто...

— Ведь мы с тобой строили такие грандиозные планы, Дэн. И все у нас было рассчитано. В прошлый уик-энд вместе дома смотрели. Всего лишь *в прошлый уик-энд!*

— Но я же просто... просто...

— Просто оступился? — почти ласково спросила Холли и невольно посмотрела на голую женщину, успевшую, впрочем, прикрыться простыней. А ведь эти простыни совершенно точно покупала она, Холли. И хорошо помнила, как ее на распродаже порадовала 75-процентная скидка. Она вновь переключила внимание с простыни на любовницу Дэна. Темные волосы, темные глаза. Он всегда предпочитал определенный тип женщин. И в полном соответствии с самым затрепанным сюжетом бульварных романов заменил старый объект обожания на новый, помоложе.

— Пожалуйста, — проскулил он, теперь уже пытаюсь давить на жалость и умоляюще глядя на нее — вот-вот заплачет.

Это просто невыносимо! Холли, не отвечая, застегнула на чемодане «молнию», решительным шагом вышла из комнаты, сбежала по лестнице и громко хлопнула входной дверью.

Она гнала машину, сама не зная куда — лишь бы подальше от Дэна и Лондона, — и все пыталась понять, как он мог так с ней поступить после всего, что они вместе пережили? Она же всегда и во всем его поддерживала, была рядом в любых передрыгах. Так почему же? Почему? И как она могла не заметить в нем перемен?

В университете они учились на одном курсе, но целых три года даже внимания друг на друга не обращали — вплоть до получения диплома. В тот вечер, когда позади остались и торжественная церемония, и праздничный обед, Холли со своими старыми приятельницами — вместе с ними она снимала квартиру — решила повеселиться в клубе.

Во время короткой передышки между танцами она пошла в бар, выпить и принести выпивку подругам, и вот тут-то впервые заметила Дэна. Собственно, ее внимание привлекли, во-первых, его темно-карие глаза, а во-вторых, то, как безуспешно он окликал бармена. Понаблюдав за тем, как нарочито бармен «не слышит» его призывов — видимо, Дэн показался ему чересчур вежливым, — Холли воздвиглась на барный табурет, и бармен, разумеется, тут же к ней повернулся. Она заказала выпивку им обоим, и Дэн с благодарностью за все заплатил. Впоследствии она догадалась, что он играл роль беспомощного человека, нуждающегося в спасении, специально, в надежде привлечь ее внимание.

Тогда эта уловка показалась ей очень милой. Потом, обедая с друзьями, они с Дэном не раз смеялись, вспоминая тот вечер. И лишь теперь Холли поняла: на самом деле Дэн всегда умело ею манипулировал.

Солнце давно уже село, когда она, свернув с шоссе М4, наконец по-настоящему задумалась, куда же все-таки держит путь. И поняла, что машинально свернула на шоссе, ведущее к родительскому дому. Едва ли ей так уж хотелось предстать перед родителями. Нет, они, конечно, поддержали бы ее и стали бы всячески утешать, но в глубине души ей давно было ясно: от Дэна они отнюдь не в восторге. Ей вдруг вспомнилось, как мать однажды сказала:

— Мне он кажется каким-то чересчур бежевым.

— Бежевым? — удивилась Холли.

— Ну, пресным таким, простеньким, без затей. Не вызывающим особого интереса.

— А что в этом плохого? Просто он человек здравомыслящий.

— Ничего плохого, конечно. Но бывает ли вам весело вместе?

— Конечно бывает!

Холли показалось, что ее ответ не убедил мать.

— А что вы решили насчет того дома, о котором ты еще месяц назад мне рассказывала? Вы вроде бы собирались его купить?

— Собирались, но потом решили еще немного подождать, подкопить денег. Чтобы сразу внести депозит побольше.

— Ты ведь и так копила весь прошлый год, верно? И позапрошлый тоже? Хотя работа у тебя постоянная и заработок неплохой. И тебе, по-моему, совершенно не обязательно постоянно тревожиться о деньгах.

Холли от раздражения скрипнула зубами.

— Да, это верно, только дома сейчас очень дорогие, и чем больший депозит мы внесем, тем меньше нам потом придется выплачивать.

— Но, Холли, дорогая, нужно иметь какие-то радости в жизни. Нельзя же думать только о том, как побольше заработать и побольше накопить. — И далее мать продолжала в том духе, как будто ее, Холли, желание обрести финансовую стабильность и полностью себя обезопасить — это самая безответственная вещь на свете. Интересно, как мама отреагирует на *теперешние* новости? Наверняка страшно огорчится, понимая, каким ударом для Холли стало предательство Дэна. Но что она при этом *подумает*, непонятно.

Вот и поворот к дому родителей, однако Холли сворачивать не стала, а поехала дальше. Лучше она с ними потом поговорит. В крайнем случае, поскольку ключ от их дома у нее по-прежнему есть, можно будет потихоньку пробраться в свою комнатку, когда они уже улягутся спать. Или просто еще немного проехать и снять где-нибудь номер на одну ночь. Вряд ли теперь стоит так уж экономить, приберегая каждый грош, чтобы внести депозит за дом, который они собирались купить с Дэном.

Некоторое время Холли ехала по какой-то длинной прямой дороге. На навигаторе она была обозначена как A429, однако местные жители называли ее исключительно Фосс-Уэй¹. Эта старая римская дорога тянулась далеко на север до самого Лестера, хотя Холли никогда еще не доводилось проезжать по ней так далеко. Позади остался Нортлич,

---

¹ Фосс-Уэй — одна из старинных дорог, построенных еще римлянами; соединяет города Линкольн и Эксетер. Название связано с тем, что по обе стороны дороги прорыты канавы (Foss — канава).

затем маленькая котсуолдская¹ деревушка Колд-Астон, и наконец у подножия невысокого холма, мигнув поворотником, Холли свернула налево, проехала немного по берегу реки и оказалась в центре городка Боуртон-он-Уотер.

* * *

Даже самый циничный посетитель Боуртона вряд ли стал бы спорить с теми, кто считает этот городок одним из самых идиллических мест в Британии, с его мелководной рекой, бегущей под бесчисленными причудливыми мостами и ласково журчащей рядом с центральной улицей. В любое время года Боуртон производил впечатление настоящего рая для любителей постить в соцсетях. Осенью там хорошо надеть шерстяное пальто или куртку, способную защитить от пронизывающего ветра, и наслаждаться прогулкой, любуясь кружением янтарных и золотых листьев, что, словно дождь, осыпаются с деревьев. А во время зимних праздников витрины магазинов украшены тысячами мерцающих белых огоньков и ровно посередине замерзшей реки возвышается пятнадцатифутовая рождественская елка. Картинка вкусная, как ломтик дивного праздничного пирога.

Однако для постоянных жителей, особенно для подростков вроде Холли, какой она была когда-то, привлекательность Боуртона была чем-то вроде обоюдоострого меча. Как только погода становилась хотя бы относительно приятной, автомобильное движение в городе практически останавливалось из-за пробок; машинами был забит весь путь от шоссе до местной Хай-стрит, находившейся от него примерно

---

¹ По названию Котсуолдских холмов (Cotsworld Hills), графство Глостершир. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

в полумиле. И если кому-то из водителей все же удавалось проникнуть в город, он старался сразу же припарковаться на первом попавшемся клочке земли вне зависимости от того, предназначено ли это место для парковки и кого он своей машиной напрочь «запрет». К тому же было практически невозможно отыскать свободное местечко хотя бы в одном из многочисленных кафе — хотя цены там были чрезвычайно завышены, — потому что городок буквально кишел вопящими детишками, разгневанными родителями и усталыми пешими туристами, не говоря уж о том, что в Боуртоне обязательно делал остановку каждый туристический автобус, из которого вываливалась толпа людей, жаждущих одного: сфотографироваться, стоя по колена в реке и поедая мороженое; а затем, после короткой передышки, эти туристы вновь загружались в автобус и двигались к следующему пункту назначения.

Впрочем, родиться и провести юность в этих местах было совсем не плохо. Холли с удовольствием вспоминала и свои поездки на старом ржавом велосипеде вверх и вниз по холмам, таким крутым, что ноги были готовы сдаться уже на первой трети пути, и свои бесконечные пешие странствия по окрестным полям, и походы к заветным потайным ручьям, где она в компании друзей целыми днями ловила тритонов, вооружившись банкой из-под варенья и рыболовным сачком, и беготню взад-вперед по берегу реки в поисках особенно красивых цветов и трав, которые ей хотелось принести домой и поставить в самодельные керамические вазы. Простые, безыскусные времена — до появления всяких там iPad и iPhone.

Но с детством у нее были связаны и другие воспоминания. Не самые приятные. Например, окно в ее спальне, которое никогда толком не закрывалось, и зимой, лежа в по-

стели, она видела, как ее дыхание превращается в облачка тумана. Или совсем уж голодные дни, когда им всей семьей приходилось жевать сухие овсяные хлопья, потому что молока больше не было, а последние несколько монеток они сберегали, чтобы «покормить» электросчетчик. (Отдельная проблема — вечно холодный душ. А уж холодный душ в замерзающем доме — это проблема из проблем.) Еще остро помнился тот день, когда отца Холли впервые уволили по сокращению штата. Затем, правда, это случилось снова... и снова...

Холли вряд ли смогла бы с точностью определить, в каком именно возрасте поняла, что они *бедные*. Видимо, где-то уже в средней школе. Если дети из других семей в начале очередного триместра являлись в школу в новеньких дизайнерских *шूзах* — Kickers, Doc Martens, Air Jordans или еще каких-то, особенно модных, — то она неизменно втискивала ступни в очередные *вполне приличные черные туфли со шнурками*, которые раздобыла ее мать. Школьная форма всегда была ей либо слишком велика, либо слишком мала. И похоже, с каждым годом тот короткий период, когда форма действительно хорошо на ней сидела, становился все короче.

Если другие родители дарили своему ребенку на день рождения какую-нибудь давно желанную потрясающую игрушку или куклу, то Холли получала, например, книгу по кулинарии, зачастую довольно потрепанную, с жирными пятнами на страницах — доказательством того, что прежняя владелица не раз пыталась овладеть мастерством повари-хи. Утром в свой день рождения, сорвав бумажную обертку с подарка, она должна была выбрать рецепт угощения, которое ей предстояло приготовить — обычно это было что-нибудь сладкое, все равно что, — и ее родители ухитрялись где-то раздобыть необходимые ингредиенты: стручки

ванили, темный шоколад, жирные сливки, да что угодно. И лишь когда ей уже минуло двадцать, она осознала, что после этого праздника они несколько недель сидели на куда более скудной диете вроде супа с чечевицей или «гренок по-валлийски», приготовленных на домашнем хлебе с тончайшими ломтиками расплавленного сыра.

Как ни удивительно, но очень долго подобные вещи совершенно не тревожили Холли. Она не уставала благодарить Бога за то, что у нее такие любящие родители и что все они счастливы, несмотря на отсутствие денег. Но все переменялось, когда ей исполнилось четырнадцать.

За несколько месяцев до своего дня рождения она несколько раз и вполне отчетливо дала понять, чего ей на самом деле хочется. Довольно книг по кулинарии. В конце концов, в этом отношении она и так отлично подготовлена — всегда сама собирает контейнер со школьным завтраком и ужин для всей семьи готовит довольно часто. И самостоятельное приготовление праздничного лакомства уже не воспринималось ею как удовольствие и, уж конечно, никак не могло считаться достойным подарком на день рождения. На свое четырнадцатилетие Холли мечтала получить настоящие джинсы Levis 501.

Сперва она надеялась, что получит вожделенные джинсы на Рождество, но ей подарили всего лишь раздобытую на благотворительном базаре футболку, растянутую и какую-то линялую. Однако надежды она не утратила: в конце концов, в марте у нее день рождения.

— Надеюсь, они придутся тебе впору, — сказала мать, входя к ней в комнату и пристраивая сверток на край кровати. — Если не подойдут, то Морин из аптеки наверняка сумеет их по тебе подогнать. Да и швы оверлоком она куда лучше обрабатывает, чем я.

Холли разорвала бумагу, увидела аккуратно сложенные джинсы, и сердце ее радостно подпрыгнуло. Она смотрела на них и думала: неужели родители, столько месяцев игнорировавшие ее просьбы, наконец к ней прислушались? У нее даже руки тряслись от волнения, когда она встряхнула джинсы, расправила их и... раскрыла рот от изумления.

— Ну что, хорошие? Я понимаю, они, может, не такие модные, как те, о которых ты нам все уши прожужжала, да и не совсем новые, но еще вполне ничего, крепкие. И швы прочные, а мелкие дырочки я заплатками закрыла.

Заплатами! Да тут, похоже, заплаток куда больше, чем самой джинсы! Здесь были представлены «образцы» самых различных тканей и расцветок, нашитые как придется по всей длине джинсов от талии до низа. Позже, немного успокоившись, Холли поняла, что на самом деле заплаток не так уж много, всего пять-шесть, вряд ли больше, но в глазах подростка это выглядело так, словно их несколько дюжин. Возможно, с заплатками она бы еще как-то примирилась, если бы все они были одинаковыми. Но все они были разные, и мало того, их словно выкрали из детской — во всяком случае, на одном прямоугольнике были изображены игрушечные медвежата.

— Может, примеришь? — попросила мать. — Хочу посмотреть, как они на тебе сидят.

Но Холли молча смотрела на подаренное убожество. А что еще ей оставалось? Меньше всего она хотела обидеть мать, прекрасно понимая, каковы их финансовые возможности. Она, небось, и лоскутки для этих заплаток целых полгода собирала. И все же без слез на эти джинсы Холли смотреть не могла. Тем не менее она заставила себя улыбнуться, аккуратно свернула подарок, положила на постель и сказала: «Я только сперва душ приму, хорошо?» — успев, однако,

заметить, как сразу осунулось и помрачнело лицо матери. Холли испытала такое острое чувство вины, что оно, казалось, прожгло ее внутренности, но надеть эти джинсы с дурацкими медвежатами не смогла. Не смогла, и все тут. Ведь если бы они оказались ей впору, мать наверняка настояла бы, чтобы она в них вышла из дома, пошла в школу, а уж этого ей точно не вынести. Нет, нужно просто потянуть время, а потом притвориться, будто джинсы оказались ей малы, и тогда мама ни о чем не догадается.

— Хорошо, конечно. — Мать встала, старательно растянув в улыбке напряженные губы.

В комнате повисла зловещая тишина, и Холли еще сильнее почувствовала себя виноватой. Даже в свои четырнадцать она всегда безошибочно замечала печаль, таившуюся в маминых глазах. Ничего, убеждала она себя, это же мелочь, и мама скоро обо всем забудет. Подумаешь, джинсы!

— Ладно, приводи себя в порядок, а потом и померяешь. — Мать направилась к двери, сообщив на ходу: — А на завтрак у нас овсяная каша!

— Каша — это отлично! — с воодушевлением откликнулась Холли.

До самого вечера все шло спокойно. Холли весь день была в школе, и у нее, как всегда, спрашивали, какие подарки она получила, однако вечером — уже во второй раз за день — в дверь ее комнаты осторожно постучали. Теперь это был отец.

Артур Берри был человеком немногословным. Этаким нежный великан ростом под два метра. Отчего-то ему очень не везло с работой. Особенно после того, как закрылась фабрика, где он начал трудиться еще подростком. Отца уволили, когда Холли было всего два года. Последовала бесконечная череда «временок». Отчего-то отец всегда оказывался по-

следним в списке принятых и первым в списке подлежащих увольнению. Сейчас, правда, ему удалось найти вполне стабильную работу, и он уже продержался там больше двух месяцев, но в семействе Берри никогда не надеялись на лучшее.

Услышав робкий стук в дверь, Холли крикнула: «Открыто!» — и в дверном проеме появился отец; однако вошел не сразу, немного помялся и лишь потом прошел через всю комнату и уселся на стул возле ее письменного стола.

— Значит, так, — начал он, — мама считает, что наш подарок тебе не понравился.

Это прозвучало как утверждение, а не предположение. Холли всегда раздражала привычка отца делать заявление и молчать, предоставляя собеседнику, в данном случае ей, возможность высказаться. Он еще и этакий огорченно-растерянный взгляд на нее бросил из-под насупленных бровей — все-таки он отлично умел заставить дочь чувствовать себя бесконечно виноватой. Впрочем, Холли удержалась и ничего ему не ответила, решив, что ни за что не попадет в приготовленную ловушку. Однако отец продолжал все так же смотреть на нее, и атмосфера в комнате мучительно накалилась.

— Но не может же мама всерьез ожидать, что я стану такое носить?! — возмутилась Холли, оказавшись не в силах проявить хотя бы половину той выдержки, на какую надеялась. — Она же на джинсы игрушечных медвежат нашла, пап! Да никто старше пяти лет не станет носить джинсы с игрушечными медведями!

— Неужели действительно не станет?

— Ну конечно! — В подтверждение Холли тряхнула головой. — Нормальные люди носят нормальные джинсы. Синие. Голубые. Иногда черные. Но джинсов с детскими картинками нормальные люди не носят. Точно так же, как не

носят свитеры, связанные из кусочков разноцветной шерсти, или носки, сто раз штопанные-перештопанные.

Ее отец сцепил пальцы и уткнулся в них верхней губой. Такова была его обычная «поза мыслителя», очень хорошо знакомая Холли. Им обеим, ей и матери, довелось потерять не один час, выжидая, пока отец после внутреннего спора с самим собой придет наконец к конкретному решению, причем спектр проблем был чрезвычайно широк — от вопроса о том, что предпочесть на ужин, до выбора политика, за которого он будет голосовать.

— Я понимаю, как тебе трудно, — сказал он наконец, убрав руки от лица. — Наверняка и я в твоём возрасте не ценил своих родителей так, как они того заслуживали.

Холли прямо-таки вспыхнула от гнева.

— Это несправедливо! Я маму очень ценю. И тебя тоже. И я хорошо вас обоих понимаю!

Ей и самой было удивительно, до чего пронзительно-пискливо прозвучали эти заверения, тем более она так и не сумела скрыть раздражение и обиду, отчетливо сквозившие в ее голосе. Однако она не могла допустить, чтобы отец обвинял ее в том, чего на самом деле нет. Да, ее все еще считали ребенком, но она много работала и в школе, и дома, хорошо училась и по хозяйству делала куда больше, чем любой из ее приятелей успел сделать за всю жизнь. Она чинила свою одежду, часто готовила обед для всей семьи. Само собой, она была еще и обязана вместе с матерью таскаться по благотворительным базарам, выбирая поношенные, ставшие ненужными или предлагавшиеся в обмен свитера и джемперы, а потом распускать их, чтобы из шерсти, еще пригодной для использования, связать что-то новое. Другие дети по воскресеньям спали допоздна, а потом, валяясь в кровати, смотрели мультфильмы, а Холли

приходилось с утра пораньше тащиться на автобусе за десять миль от дома, чтобы забрать, например, помидорную рассаду, которую кто-то за ненадобностью отдавал даром.

— Мне просто хотелось иметь нормальные джинсы, только и всего. Не вижу, в чем, собственно, проблема.

— Холли, нормальные джинсы стоят целое состояние. Больше, чем мы в неделю тратим на продукты. Ты имеешь хоть какое-то представление о том, сколько часов твоя мать потратила, чтобы нашить на эти джинсы пестрые заплатки? — С тяжким вздохом отец взгромоздил очки на макушку и устало потер переносицу. — Мне очень жаль, детка. Мне правда очень жаль, что мы не в состоянии купить тебе все те вещи, которые тебе хотелось бы иметь. Извини, что наш подарок так тебя разочаровал.

— Пап... — Жгучее чувство стыда и вины стало еще сильнее.

— Нет, я тебя понимаю. Я действительно тебя понимаю. И мне действительно жаль, Холс, что у нас вечно не хватает денег и что нам так и не удалось хоть что-то отложить. И мне, конечно же, хотелось бы, чтобы денег у нас было побольше. Зато во многом другом нам повезло. Мы здоровы и счастливы. По крайней мере, я надеюсь, что это так.

Он посмотрел на дочь, заметив, как горестно поникли ее плечи. В его взгляде сквозила усталость.

— Прости меня, пап, — сказала Холли и, спрыгнув с кровати, крепко обняла отца. — Прости, что я так себя вела. И джинсы я буду носить, обещаю. Только спроси, пожалуйста, у мамы, не могла бы она все-таки заменить те заплатки с медвежатами на что-нибудь другое?

— Я уверен, что этот вопрос мы уж как-нибудь решим. А ты с мамой все-таки поговори, хорошо? А то она очень расстроена, уверяет, что испортила тебе день рождения.

Они вместе спустились вниз, и родители спели ей Гарри Birthday, а потом они вместе пили чай с лимонным пирогом, который мать испекла еще днем.

А поздним вечером, уже лежа в постели, Холли еще долго прокручивала в памяти события минувшего дня, приходя к одному и тому же выводу: отец совершенно прав. У ее родителей никогда не было много денег, но они старались, чтобы их дочь чувствовала себя любимой и благополучной. И все же, решила Холли, когда у меня самой будут дети, я непременно постараюсь, чтобы они могли получить все, о чем мечтают, а значит, денег понадобится немало. И начать зарабатывать деньги нужно как можно скорее.

Глава Вторая

Было уже довольно поздно, так что никто за парковочные места не сражался, и Холли могла выбрать, где поставить машину. Сперва она свернула на какую-то совершенно пустую улицу и по ней выехала на парковочную площадку возле реки, решив, что просто посидит там и подумает, в какое дерьмо превратилась ее жизнь. Но стоило ей заглушить двигатель, и она, машинально отстегнув ремень безопасности, вылезла из машины и двинулась на другую сторону улицы. Через несколько секунд она уже стояла перед грязноватой стеклянной витриной магазина-кондитерской, который назывался «Только еще одну штучку», и вглядывалась в его темное нутро.

Вдруг рядом послышалось требовательное мяуканье, и гибкий черно-белый кот с грязноватой спутанной шерстью змейкой проскользнул у нее между ногами и стал о нее тереться.

— Что это ты тут делаешь? — спросила Холли, присаживаясь на корточки, чтобы погладить кота. Тот принялся

громко мурлыкать. — Если решил поохотиться, то, боюсь, кроме шоколадной мышки ты здесь ничего не поймаешь.

Кот в последний раз жалобно мяукнул, забрался на крыльцо магазина, на секунду задержался возле двери и двинулся дальше в сторону Хай-стрит.

Весна уже приближалась, но пока еще толком не наступила, и ночной холод пробирал до костей. Холли снова выпрямилась, но так и осталась стоять там, не в силах оторвать взгляд от старого магазина. Вывеска над дверями выглядела здорово обшарпанной, краска на ней облупилась и слезала чешуйками; полосатая маркиза явно знавала лучшие времена, да и крепеж у нее весь проржавел. Но в остальном кондитерская выглядела точно так же, как и в тот давний день, когда Холли впервые вошла в эту дверь. У нее вдруг сильно забилось сердце, и она, поставив ладони лодочкой у висков, прижалась лицом к оконному стеклу, с трудом различая внутри знакомые очертания стеклянных сосудов со сладостями. Черeda ярких воспоминаний пронеслась у нее перед глазами, и медленно-медленно, словно отсчитывая секунды, на лице расплылась улыбка — впервые с тех пор, как она, пораньше вернувшись домой, застала Дэна... в таком неудобном положении.

— Вы заблудились?

От неожиданности Холли вздрогнула и ударилась головой о стекло.

— Черт побери! — воскликнула она, потирая ушибленный лоб, и, обернувшись, с изумлением увидела мужчину, который смотрел на нее с невероятно серьезным выражением лица. Странно, подумала Холли, ведь только что эта улица была абсолютно пуста.

— Вы заблудились? — снова спросил мужчина.

— Хм... нет. Не заблудилась.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ЛИНН Ханна

КОНДИТЕРСКАЯ НА ХАЙ-СТРИТ: ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *А. Миро*
Художественный редактор *А. Дёмочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *О. Левина, Е. Шумская*
Верстка *В. Демин*

В оформлении обложки использованы иллюстрации

@ Ania Patterns / shutterstock.com

@ raisin_ka / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.12.2025.

Формат 60 × 84^{1/16}. Гарнитура «Minion Pro».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,25.

Тираж 2000 экз. Т-НСН-38702-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО Издательство Азбука	Азбука Баспасы ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

